

Причина различий в рефлексах второй палатализации *х в диалектах праславянского языка

Саенко Михаил Николаевич

Студент Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия

Хорошо известно, что такой фонетический процесс, как вторая переходная палатализация заднеязычных происходил в то время, когда праславянский язык активно распадался на диалекты. Отсюда и разница в рефлексах палатализации между языками западной группы, с одной стороны, и языками восточной и южной групп, с другой стороны. Эта разница состоит в следующем: 1) в западной группе сочетания kv-, gv-, hv- не подверглись палатализации перед \check{e}_2 , i_2 , 2) в западной группе рефлексом х перед \check{e}_2 и i_2 является /š'/, а в восточной и южной - /s'/ . Последнее отличие приковывает к себе внимание из-за того, что в языках восточной и южной групп рефлексы второй палатализации единообразно свистящие (/c'/, /1/2'/, /s'/), а западной группе два рефлекса также являются свистящими, а один – шипящим. В чём же причина подобной непоследовательности?

Для того чтобы найти правильный ответ на вопрос о причине появления разных рефлексов, следует вспомнить об одной тенденции, имевшейся в праславянском языке: если звук [s] или [z] попадал в позицию перед мягким согласным, он претерпевал *переходное* смягчение: s>s'>š' и z>z'>ž'. Такая позиция возникала: **а)** после первой палатализации и йотации заднеязычных. Здесь действовала следующая схема: skj,sk+i,e>sč'>s'č'>š'č'. Например: ст.-слав. искати – ишт□ (где шт из более древнего š'č'<s'č'<sč'<skj), русск. искать – ищу, польск. iskać – iszczyć; русск. брызгать – брызжу (где жж – чисто графическое отображение звонкой пары фонемы /ш' /); **б)** после йотации сонорных /r/, /l/, /n/. Схема: snj>sn'>s'n'>šn'. Например: ст.-слав. мыслити – мышл□, късн□ти – къшн□, блазнити – блажн□, острити – оштр□ (где [т] является вставным, как в слове струя). Следует отметить, что так как сочетания согласных *snj, *znj, *slj, *zlj, *srj, *zrj встречались в праславянском языке довольно редко, то проще всего их найти в первом лице единственного числа глаголов четвёртого класса, где *j чередовался со слоговым *i всех прочих форм. По этой причине позже данные чередования были выровнены по аналогии. См. русск. мыслю, острою; сербск. блазим, мислим; болг. блазня, мисля, остря; польск. myślę, ostrzę; чешск. blázním, myslím, ostřím. Однако в существительных, где аналогия не имела места, мы видим изначальное состояние. Например, русск. мышление, чешск. myšlenka и т.д. Кроме того, в некоторых диалектах аналогия сработала в обратную сторону. Например: дражнить и дражнишь по аналогии к дражню, а не наоборот, как в литературном языке. [СРНГ, вып. 8: с. 170]; **в)** после первых этапов йотации зубных смычных. Схема: stj>st'>s't'>š't'>š'č'. Достоинно внимания то, что сочетания *stj и *zdj во всех трёх группах дали один и тот же результат (в отличие от tj, dj, давших три результата). Несомненно, что в западной группе рефлексы š'č' и ž'3/4' на месте ожидаемых *s'c' и z'1/2' получились именно по причине прогрессивной ассимиляции со стороны предшествующих шипящих. То есть: š't'>š'c'>š'č'. Примеры: ст.-слав. мьстити – мьшт□, гн□здити с□ – гн□жд□ с□, русск. мстить – мщу, гнездиться – гнезжусь, польск. mścić – mszczyć, gnieździć się – gnieźdźę się.

Из этого следует, что в праславянском языке фонемы /s/ и /š'/ были представителями одной архифонемы и составляли привативную оппозицию, будучи противопоставлены друг другу по признаку мягкости-твёрдости. /s/ был немаркированным немягким членом оппозиции, а /š'/ маркированным мягким. Причём признак места образования был дополнительным, фонологически нерелевантным. И в условиях нейтрализации оппозиции [s], становясь мягким, одновременно смещался из зубного ряда в пост-альвеолярный. Такая нейтрализация была характерна также для зубных [d] и [t]. В положении перед мягким согласным они позиционно смягчались. Например: ст.-слав. бѣждрь (<*bŭdri□ōs), пр□м□ждр□ти с□, об□штр□ни□, расъмаштр□ти.

Теперь обратим внимание на судьбу начального сочетания *sk- перед \check{e}_2, i_2 (мы можем найти эту позицию и в конце слова перед флексией, но там вероятно влияние аналогии). Н.Н. Дурново насчитывает 3 корня, начинающихся с такого сочетания: *skoigol-/skoigyl, *skoip-, *skoir-. Оставив в стороне проблему двойной рефлексии этих сочетаний в древнерусском языке, мы можем обнаружить, что здесь мы имеем два рефлекса: s'c' - (а позднее и с' - с упрощением) в южной группе, š'č' - в западной и восточной. Например: болг. цапвам, цепя; сербск. цијепати; польск. szczepać; русск. щепать.

И тут всё становится понятным. Тенденция к переходному смягчению s'>š' в таком виде, в каком она существовала в праславянском языке, то есть перед мягкими согласными, сохранилась в восточной группе. Поэтому [s] перед новым мягким [c'] здесь перешёл в [š'], а потом и частично ассимилировал это [c']: skě- >sc'ě->s'c'ě->š'č'ě. Но [s'], появившийся в неизвестной ранее позиции перед гласным такого изменения не претерпел: др.-р. с□ръ. В южной группе тенденция вообще прекратила действие и [s'] не изменился здесь ни в какой позиции. В западной группе данная тенденция напротив не только не прекратила действовать, но и распространила своё действие на *все* позиции, в котором появился новый [s'].

Таким образом, изначально рефлексами второй палатализации *везде* были единообразно свистящие /c'/, /1/2'/, /s'/ . Однако потом в силу разной степени действия вышеописанной тенденции (раньше затухшей на юге и усиливающейся по направлению к северу) в трёх группах славянских языков получились три (а не два!) различных результата.

Особняком стоит только древненовгородский диалект, в котором вторая палатализация, как известно, не проходила.

Следует упомянуть, что никак нельзя согласиться с последователями теории Лескина о том, что мягкие согласные получились в результате только третьей палатализации, а в результате второй только полумягкие. Сложно себе представить, что в языке с довольно развитой корреляцией согласных по мягкости-твёрдости рефлексами переходного *смягчения* могут являться немягкие согласные. Мы исходим из тезиса о том, что третья палатализация дала такие же результаты, как и вторая, поэтому всё вышесказанное касается рефлексов обеих палатализаций.

Литература

- 1) Бернштейн С.Б. (1961) Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Издательство Московского университета - Наука.
- 2) Дурново Н.Н. (2000) Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки русской культуры.
- 3) Иванова Т.А. (2005) Старославянский язык. СПб.:Авалон - Азбука-классика.
- 4) Кульбакинъ С.М. (1911) Древне-церковно-словянской языкъ. Харьковъ.: М. Зильберберг и С-вья.
- 5) Мейе А. (1951) Общеславянский язык. М.: Издательство иностранной литературы.
- 6) Селищев А.М. (1941) Славянское языкознание. Т.1. Западославянские языки. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР.
- 7) Словарь русских народных говоров. (1972) Выпуск восьмой. Ленинград: Наука.
- 8) Старославянский словарь (1994) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык.
- 9) Łoś J. (1922) Gramatyka starosłowiańska. Lwów-Warszawa-Kraków: Wydawnictwo zakładu narodowego imienia Ossolińskich.
- 10) Slovník jazyka staroslověnského (1958-1983) / Hlavní redaktor J. Kurz. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd.